

Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932-1937 гг.)

© 2009

А. Сидоров

Рассматривается ход подготовки пакта о ненападении, подписанного СССР и Китаем 21 августа 1937 г. С привлечением архивных материалов АВП РФ и РГАСПИ анализируются основные этапы разработки этого договора, сопоставляются различные его проекты, прослеживается эволюция переговорных позиций обеих стран в широком контексте их политических взаимоотношений.

Ключевые слова: договор, Китай, ненападение, отношения, пакт о ненападении, подписание, Советский Союз.

В отношениях между Москвой и Нанкином по государственной линии после их нормализации в декабре 1932 г. ключевое значение имел вопрос о заключении нового общеполитического договора, который мог бы стать правовой базой взаимовыгодного двустороннего сотрудничества в условиях нарастания японской агрессии в регионе Дальнего Востока. Переговоры, посвященные его разработке, велись, начиная с июня 1932 г., и завершились подписанием 21 августа 1937 г. пакта о ненападении между СССР и Китаем.

* * *

К началу 1930-х гг. советско-китайские отношения переживали глубокий кризис. В декабре 1927 г. Нанкинское правительство, стоявшее на антикоммунистических позициях, заявило о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом. Он, в свою очередь, тоже не признал режим Чан Кайши и оказывал через Коминтерн всестороннюю помощь КПК.

Первые признаки улучшения, казалось, безнадежно испорченных отношений наметились в сентябре 1931 г., после начала агрессии Японии в Маньчжурии. В марте 1932 г. здесь было провозглашено прояпонское марионеточное государство Маньчжоу-Го. Лига Наций и ведущие западные державы заняли позицию невмешательства в конфликт и в нарушение Устава Лиги не ввели против агрессора никаких санкций. В создавшейся крайне опасной ситуации затянувшаяся ссора с Москвой становилась для Чан Кайши непозволительной роскошью. 25 июня 1932 г. делегат Китая в Лиге Наций Янь Хуэйцин (В.В. Иен) на встрече в Женеве с наркомом по иностранным делам М.М.Литвиновым официально предложил СССР восстановить дипломатические отношения. В тот же день в Москве об этом заявил и китайский представитель Мо Дэхой в беседе с

заведующим Вторым восточным отделом НКВД Б.А. Козловским¹. Нанкин, однако, выдвинул в качестве дополнительного условия одновременное подписание пакта о ненападении. Так этот вопрос был впервые поставлен в отношениях между СССР и Китаем — причем по инициативе последнего.

В Нанкине отнюдь не опасались советского вторжения. Предложенный формат договора был избран китайской стороной по другим причинам. Во-первых, она учитывала то обстоятельство, что подписание договоров о ненападении и нейтралитете было провозглашено Москвой одним из ее ключевых внешнеполитических приоритетов. Во второй половине 1920-х гг. СССР заключил такие договоры с Германией (1926 г.), Литвой (1926 г.), а также с Турцией (1925 г.), Афганистаном (1926 г.) и Ираном (1927 г.). В 1932 г. ввиду ухудшения международной обстановки началась “вторая волна” заключения пактов о ненападении: в январе 1932 г. СССР подписал пакт с Финляндией, в феврале 1932 г. — с Латвией, в мае 1932 г. — с Эстонией. Близились к завершению переговоры с Польшей, в разгаре были переговоры с Францией². В результате в июле 1932 г. СССР имел договоры о ненападении и нейтралитете с восемью из девяти своих соседей на западных и южных границах (в Европе ему не удалось договориться только с Румынией из-за нерешенного территориального спора из-за Бессарабии). Так что китайская инициатива весьма удачно вписывалась в общий контекст советской внешней политики.

В декабре 1931 г. СССР выступил с инициативой заключения пакта о ненападении с Японией. Она носила демонстративно примирительный характер: части Квантунской армии в это время быстро продвигались вглубь Маньчжурии в направлении советской границы³. Японская сторона взяла долгую паузу для изучения этого предложения и к июню 1932 г. еще не дала на него определенного ответа.

Таким образом, Китай был единственным соседом Советского Союза, с которым не было заключено и которому даже не предлагалось заключить договор о ненападении⁴. Думается, что в Москве сознательно не поднимали этого вопроса, желая сохранить за собой свободу рук для стимулирования революционных процессов в Китае.

Еще одной причиной инициативы Нанкина стала его растущая озабоченность советской политикой в маньчжурском кризисе. Желая ни в коем случае не допустить военного столкновения с Японией, СССР еще весной 1932 г. признал “де-факто” Маньчжоу-Го и дал согласие на открытие консульств Маньчжоу-Го в Чите и Благовещенске. Прежние китайские члены правления КВЖД, назначенные с согласия гоминьдановского правительства, были заменены на представителей марионеточных маньчжурских властей, а саму железную дорогу было разрешено использовать для перевозок японских войск. Эти и другие шаги были восприняты в Нанкине как свидетельство стремления Москвы достичь компромисса с Японией в ущерб территориальной целостности Китая.

О намерениях правительства Чан Кайши советскому руководству стало известно заблаговременно из разведывательных источников⁵. 16 июня 1932 г. Молотов и Каганович сообщили о них Сталину, находившемуся на отдыхе в Сочи. “Считаем, что решение Нанкина, — предупреждали они, — в основном определяется опасениями нашего сближения с Маньчжоу-Го. Восстановление отношений, да еще путем подписания пакта о ненападении, будет ставить своей целью затруднить нам установление нужных нам отношений с Маньчжоу-Го. Можно быть уверенным, что китайцы прямо включают в пакт о ненападении какие-либо пункты, прямо связывающие нас в нашей маньчжурской политике”⁶. Сталин с этими аргументами согласился.

Китайское предложение вызвало острую полемику в руководстве Наркоминдела. Нарком М.М. Литвинов, находившийся в тот момент в Женеве, высказался в пользу его принятия, считая необходимым восстановить отношения как можно скорее. Однако его первый заместитель Н.Н. Крестинский и замнаркома Л.М. Карахан, курировавший Дальний Восток, выступили резко против. Крестинский обратился в этой связи с пространным письмом к оставшемуся «на хозяйстве» в Москве вместо Сталина секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, в котором детально аргументировал свою позицию. «Если мы приступим к переговорам о пакте, — писал Крестинский, — сразу же встанет вопрос о границах Китая. Нам придется сказать, включаем ли мы Маньчжурию в состав территории, о ненападении на которую мы договариваемся с Нанкином, или не включаем. Если мы скажем, что включаем, это поведет к конфликту с Японией и Маньчжурией (имеется в виду Маньчжоу-Го. — А.С.). Если мы скажем, что не включаем, это сразу поссорит нас с Нанкином и сорвет как пакт, так и возобновление дипломатических отношений... Если мы выберем промежуточный путь и откажемся включать в пакт вопрос о северных границах Китая, то переговоры не приведут к результатам, и у нас не будет ни пакта, ни возобновления нормальных отношений»⁷. Возражая наркому, Крестинский отмечал: «Тов. Литвинов... боится ссылок Китая на то, что мы согласились разговаривать о пакте с Румынией, с которой у нас также нет дипотношений. Очень легко разбить этот аргумент. Мы стали разговаривать с Румынией о заключении пакта без предварительного возобновления дипотношений только потому, что от этого зависело заключение пактов с другими нашими западными соседями... В наших отношениях с Китаем нет никакой аналогии с тем, что имеется на нашей западной границе... Тов. Литвинов в качестве компромисса предлагает не заключать пакт до нормализации отношений..., но переговоры немедленно начать. Это предложение имеет все минусы китайского предложения и не дает нам никаких дополнительных плюсов». Поэтому, резюмировал Крестинский, «если мы настаиваем на том, чтобы сначала были возобновлены нормальные отношения, и только после этого приступим к переговорам о пакте, то ...неудача переговоров о пакте при наличии возобновленных дипотношений для нас большого значения иметь не будет»⁸. Поддерживая своего коллегу, Карахан писал Кагановичу: «Так как мы не заинтересованы в быстром начале переговоров с Нанкином, то мы должны сделать так, чтобы переговоры о пакте начались после фактического обмена диппредставителями»⁹.

В результате вопрос был вынесен на рассмотрение Политбюро, которое поддержало позицию Крестинского и Карахана. 29 июня 1932 г. оно предложило Литвинову заявить китайскому представителю в Женеве: «Совпра (Советское правительство. — А.С.) не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений»¹⁰. Молотов и Каганович в телеграмме Сталину в Сочи поясняли мотивы принятого решения: «Нанкин рассчитывает переговорами о пакте или связать нас в отношении Маньчжоу-Го, или, прощупав нас и убедившись, что мы сохраняем свободные руки в отношении Маньчжоу-Го, на этом порвать». Сталин вновь их поддержал¹¹.

Советско-китайские контакты в Женеве и в Москве продолжались всю вторую половину 1932 г. В конце концов китайцы были вынуждены уступить, и 12 декабря 1932 г. дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены без всяких предварительных условий. Это событие вызвало резко негативную реакцию Японии — она в ответ официально отклонила советскую инициативу о заключении пакта о ненападении.

В апреле 1933 г. в Китай прибыл советский полпред Д.В. Богомолов. На первой же встрече с ним, состоявшейся 8 мая 1933 г., министр иностранных дел Ло Вэньгань вновь поднял вопрос о заключении договора, а 11 мая вручил Богомолову его проект, разработанный китайским МИДом. Нанкин стремился подписать договор как можно скорее, поскольку “ползучая” японская агрессия в Китае продолжалась. В феврале 1933 г. Квантунская армия захватила провинцию Жэхэ, а 27 марта 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций. В сложившейся ситуации Китай стремился добиться от Москвы признания своей территориальной целостности и суверенных прав на Маньчжурию. Поэтому, как отмечалось в подготовленной Наркоминделом экспертизе китайского проекта, наряду с обычными формулировками в нем содержалась и статья, “придававшая ему особый характер... а именно предусматривающая отказ от всякого признания де-юре и де-факто положений, созданных агрессией третьей державы. Эта статья, очевидно, имела в виду воспрепятствовать продаже КВЖД, а также поддержанию официальных отношений с Маньчжоу-Го”¹².

В Москве, однако, не собирались ставить проводимый курс на недопущение вооруженного конфликта с Японией в зависимость от устремлений Нанкина. 15 мая 1933 г. Литвинов официально заявил о планах Советского Союза продать КВЖД властям Маньчжоу-Го. Советская сторона решила затянуть изучение китайского проекта и тем временем прояснить намерения Токио относительно судьбы КВЖД (а возможно, и заключить соглашение о ее продаже), после чего вновь вернуться к вопросу о договоре с Китаем. 10 июня 1933 г. коллегия НКВД постановила “не форсировать переговоров” с Нанкинским правительством¹³. По этому поводу сменивший Карахана в должности куратора дальневосточных дел замнаркома Г.Я. Сокольников 17 июня 1933 г. писал Богомолову: “У китайцев не должно быть впечатления, что мы отклоняем переговоры, не хотим заключить пакта и т.д. Конечно, они поймут, что мы несколько медлим, но, кажется, в Китае медлительность еще не считается очень плохим тоном...”¹⁴. В ответ Богомолов в письме от 23 июня 1933 г. отмечал: “Я вполне согласен с установкой НКВД, что в настоящий момент нецелесообразно форсировать вопрос о пакте о ненападении”. При этом полпред признавал: “Если мы придем к соглашению с Маньчжоу-го и Японией о продаже КВЖД, конечно, нужно будет считаться с некоторым ухудшением советско-китайских отношений”¹⁵.

Переговоры о продаже КВЖД начались в Токио в июне 1933 г. Они проходили исключительно трудно. Очень скоро стало очевидно, что рассчитывать на их скорое завершение не следует. 16 августа 1933 г. Д.В. Богомолов сообщил, наконец, китайской стороне о согласии СССР на заключение пакта. Однако представленный ею проект был решительно отвергнут: в Москве даже не захотели взять его “за основу”. 10 сентября 1933 г. коллегия НКВД поручила правовому отделу составить контрпроект “на базе пакта с Турцией”¹⁶, а спустя несколько дней утвердила подготовленный юристами документ. Он, по замечанию Соколова, “примыкал к турецкому образцу, ...который оказался наиболее удобным с точки зрения формулировок, позволяющих избегать именно тех вопросов, которые особенно подчеркнуты в китайском проекте (вопросы, связанные эвентуально с Маньчжоу-Го и т.п.)”¹⁷. Принципиально важная для Нанкина статья о непризнании результатов агрессии третьей державы была из него исключена. Вместе с тем в нем появился раздел, который должен был обеспечить советской стороне свободу экономической деятельности в МНР и Синьцзяне. Наконец, из преамбулы проекта была удалена ссылка на Пекинское соглашение от 31 мая 1924 г., согласно которому СССР обязывался не продавать КВЖД третьим стра-

нам, а также признавал суверенитет Китая над Внешней Монголией. В таком виде концепция договора, безусловно, не могла заинтересовать официальный Нанкин.

13 октября 1933 г. Богомоллов вручил контрпроект Ван Цзинвэю. Из состоявшейся беседы полпред неожиданно узнал, что позиция Нанкинского правительства изменилась, и оно “в данный момент уже не хочет торопиться с пактом”¹⁸. Время шло, а ответа на советский проект не было. 16 декабря 1933 г. Сокольников в очередном письме полпреду сделал вывод: вопрос о пакте в Нанкине решили “основательно замариновать”¹⁹.

По мнению руководства Наркоминдела, причины подобной “пассивности и медлительности” заключались в следующем: “1) Китайское правительство было убеждено в неизбежности войны между СССР и Японией и поэтому решило не спешить с заключением пакта... 2) Китпра... опасалось ухудшения японо-китайских отношений и репрессий со стороны Японии в случае заключения пакта... 3) Некоторые деятели (группа Т.В. Суна) (Сун Цзинвэя — министра финансов и самого богатого человека Китая. — А.С) считали, что пакт о ненападении не представляет большой ценности..., так как он предусматривает только нейтралитет договаривающихся сторон”²⁰. 30 января 1934 г. Т.В. Сун прямо заявил Богомоллову, что Китай не может позволить себе пойти на заключение пакта, так как это “приведет к усилению японской агрессии в Северном Китае”. Китайцы, — резюмировал полпред, — решили “похоронить с вежливым приличием пакт о ненападении”²¹.

Советский Союз, в свою очередь, тоже рассматривал данный вопрос прежде всего через призму своих отношений с Токио. 8 августа 1934 г. Сокольников писал Богомоллову: “Учитывая продолжающееся еще кризисное состояние наших отношений с Японией, мы не должны делать никаких шагов... в отношении Китая, которые могли бы обострить наши отношения с Японией. Мы по-прежнему не заинтересованы в заключении с Китаем пакта о ненападении”²².

Казалось, этот внешнеполитический проект был окончательно похоронен. Обе державы не собирались воевать друг с другом, прекрасно об этом знали и не нуждались в правовых гарантиях ненападения. В формате пакта каждая из них пыталась разрешить те или иные интересовавшие ее конкретные внешнеполитические вопросы, не имевшие к нему прямого отношения.

Советско-китайские переговоры проходили на фоне нового всплеска гражданской войны между Гоминьданом и КПК и тяжелых поражений коммунистов. 30 сентября 1934 г. Исполком Коминтерна дал согласие на уход главных сил китайской Красной армии из Центрального советского района в Хунань. На время знаменитого Великого похода радиосвязь Коминтерна с Красной армией была утрачена. В период с октября 1934 г. по апрель 1936 г., когда ее удалось наконец восстановить, в Москве имели весьма скудные и отрывочные сведения о судьбе Красной армии, получаемые, в основном, по каналам разведслужб. К лету 1935 г. советское движение в Китае было почти полностью разгромлено, погибла основная масса членов КПК.

Одержав победу над коммунистами, правительство Чан Кайши вместе с тем потерпело провал в попытках поиска компромисса с Токио. Дальнейшее расширение японской агрессии, наряду с явным уменьшением “коммунистической опасности”, заставило руководителей Китая сделать в 1934 г. решительные шаги навстречу СССР. 6 июня 1934 г. Богомоллов доложил в Москву о беседе с Чан Кайши, в которой тот заявил, что “в случае конфликта СССР с Японией китайский народ будет на стороне русского”²³. Полпред указывал на эволюцию взглядов руководителя Гоминьдана, который “отходит от прежней прояпонской позиции и ищет пути к соглашению с нами”. Это желание Чан Кайши “вызвано в известной

мере также ослаблением Центрального советского района". Полпред обращал внимание НКИД и на укрепление властных позиций Чан Кайши, "авторитет которого за последний год среди китайской буржуазии чрезвычайно возрос"²⁴.

В Центре к этим донесениям отнеслись очень серьезно. Богомолов был вызван в Москву для доклада. В ноябре 1934 г. в Наркоминделе состоялось большое совещание с участием его и Стомонякова, нового заместителя наркома по Дальнему Востоку. На нем было признано необходимым "продолжить линию на дальнейшее сближение с Чан Кайши"²⁵ и вынести данный вопрос на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б). Вместе с тем заключение двустороннего пакта о ненападении, "ввиду позиции Китая", было решено пока считать неактуальным²⁶.

По итогам совещания Стомоняков 8 января 1935 г. направил Сталину и Молотову концептуальную записку "Касательно отношений с Китаем". В ней подробно анализировались причины "сдвигов во внешнеполитических установках Чан Кайши и его стремление к установлению отношений с нами"²⁷. "Нет никаких оснований, — делал вывод Стомоняков, — продолжать далее держать наши отношения с Китаем в том состоянии "консервации", в котором они пребывают в настоящее время. Постепенное улучшение наших отношений с Китаем привело бы к дальнейшему росту нашего международного значения, в частности в Азии. В то же время, нося совершенно мирный и недемонстративный характер, это сближение не могло бы повредить и нашим отношениям с Японией"²⁸. Ему должно было способствовать и то обстоятельство, что "Чан Кайши не стремится к заключению с нами каких-либо формальных политических договоров или к публичным демонстрациям китайско-советского сближения"²⁹. К записке прилагался перечень конкретных мероприятий, согласованный с Литвиновым.

Инициатива НКИД была одобрена руководством страны, хотя и не сразу. Необходимо было дожидаться завершения переговоров о продаже КВЖД и реакции на это событие в Китае. 23 марта 1935 г. соглашение между СССР и Маньчжоу-Го было подписано. В Нанкине встретили эту новость спокойно, воздержавшись от острой критики и обвинений в адрес Москвы. А уже 19 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программное постановление: "Об активизации наших отношений с Китаем". В нем Богомолову поручалось по возвращении в Нанкин "заявить Чан Кайши и Ван Цзинвю, ... что Советское правительство проникнуто желанием установить дружественные отношения с Китаем, основанные на полном уважении взаимных прав и интересов, ... специально заверить Нанкинское правительство в абсолютном уважении Советским Союзом суверенных прав Китая, целостности и неприкосновенности его территории, в том числе и в Синьцзяне"³⁰. (Последнее было особенно актуально в свете активного советского проникновения в эту китайскую провинцию, где у власти находился демонстрировавший лояльность Москве дубань Шэнь Шицай). В постановлении намечался ряд конкретных мер по улучшению двусторонних отношений (переговоры о торговом договоре, открытие паромной линии Владивосток — Шанхай, развитие работы по культурному сближению и т.д.). Наконец, второй пункт постановления гласил: "Считать целесообразным предложить Нанкинскому правительству заключение пакта о ненападении. Поручить НКИД представить проект пакта"³¹. Как видим, Политбюро решило пойти навстречу Нанкину даже дальше, чем предлагалось Наркоминделом.

Уже 23 марта 1935 г. Литвинов направил Сталину новый проект договора, который кардинально отличался от предыдущего и действительно учитывал основные китайские озабоченности. Наряду с более четко сформулированными статьями о взаимном ненападении, включая отказ от прямой или косвенной поддержки третьих стран, совершивших агрессивные действия (речь, очевидно,

шла о Японии. — А.С.), в нем содержались обязательства, на которых особенно настаивали китайцы — “не нарушать территориальную целостность” друг друга, не вмешиваться во внутренние дела и “воздерживаться от всякого возбуждения или поощрения агитации, пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью изменение силой политического и социального строя” другой стороны³². Такой проект имел все шансы получить одобрение Нанкина, будь он ему предложен.

Дисциплинировано исполнив поручение Политбюро, Литвинов вместе с тем обращал внимание Сталина на то, что китайские официальные лица “в последние месяцы проявляют определенное нежелание заключать пакт” и, по сведениям Богомолова, связаны в этом отношении обещаниями, данными ими Японии. Нарком сослался в этой связи и на состоявшийся у него двумя днями ранее разговор с китайским послом, в котором тот заявил: “Нанкин считает пакт особенно излишним теперь, когда мы вошли в Лигу Наций и связаны с Китаем Уставом Лиги”³³. (СССР вступил в Лигу Наций 18 сентября 1934 г. — А.С.). “При таких обстоятельствах, — предостерегал Литвинов, — нам вряд ли стоило бы напрашиваться с пактом... Не давая никаких результатов, наше новое предложение... портило бы и наши отношения с Японией”. Нарком предлагал пересмотреть постановление Политбюро от 19 марта 1935 г. и поручить Богомолову заявить Чан Кайши, что СССР готов продолжать переговоры о пакте и даже внести изменения в его первоначальный проект с учетом китайских пожеланий, но оставляет дальнейшую инициативу за Нанкином. Аргументы Литвинова были признаны обоснованными и 25 марта 1935 г. были одобрены на Политбюро³⁴. Как видим, неосторожные высказывания китайского посла привели к тому, что новый, весьма выгодный правительству Чан Кайши советский проект договора о ненападении весной 1935 г. не был представлен на его рассмотрение.

Тем не менее, в политике СССР на китайском направлении наметился явный поворот. И хотя советская сторона не стремилась афишировать свою заинтересованность в сближении с Нанкином, что могло обострить ее и без того напряженные отношения с Токио, она ясно дала понять, что желает установить дружественные отношения с правительством Чан Кайши. В этих условиях идея пакта приобретала новое политическое звучание.

Китайское руководство незамедлительно оценило открывшиеся перед ним перспективы. 4 июля 1935 г. министр финансов Кун Сянси, замещавший министра Ван Цзинвэя, впервые поставил перед Богомоловым вопрос о новом формате общеполитического договора — о взаимопомощи вместо ненападения. Реакция полпреда была негативной: отметив, что “китайское правительство отказывается от пакта о неагрессии вследствие японского давления, затягивает ответ на торговый договор... и вдруг сразу говорит о пакте взаимной помощи”, он подчеркнул, что военно-политический союз “предполагает отношения, при которых и торговый договор, и пакт о неагрессии были бы делом давно решенным”³⁵. 9 октября 1935 г. Кун Сянси поинтересовался у Богомолова, “сможет ли китайское правительство получить из СССР военное снаряжение через Синьцзян”, если оно “вынуждено будет оказать вооруженное сопротивление Японии”, учитывая, что “морским путем оно едва ли что-нибудь сможет получить”. Полпред уклонился от определенного ответа, пообещав запросить Москву³⁶.

19 октября 1935 г. Богомолова принял Чан Кайши. Он предложил заключить секретное военное соглашение, добавив при этом, что хотя Япония недавно ставила перед ним вопрос о “военном союзе против большевизма”, он не даст на это согласия³⁷. Заявления Чан Кайши были услышаны в Москве. 19 ноября 1935 г. Стомоняков сообщил полпреду, что Советский Союз готов продавать Нанкину военное снаряжение³⁸, а 14 декабря 1935 г. информировал его, что Москва

готова пойти еще дальше и обсудить возможность заключения с Нанкином секретного военного соглашения³⁹. Разъясняя мотивы принятого решения, Стомо-няков писал Богомолу 28 декабря 1935 г.: “Мы готовы оказать посильную поддержку Китаю, если бы он действительно вступил в освободительную войну против Японии. Мы думаем, однако, что, несмотря на несомненное распространение в Китае идей борьбы с Японией, может быть, еще не настал момент для того, чтобы связывать себя соглашением с Чан Кайши по вопросу об оказании взаимной помощи... Чан Кайши все еще... идет на уступки требованиям японских империалистов”⁴⁰. Богомолу было предписано выяснить “действительные намерения” руководителя Гоминьдана: какими он мыслит обязательства сторон и условия их вступления в силу, каков его план защиты Китая против Японии. “Особо надо остановиться, — продолжал Стомо-няков, — на проблеме взаимоотношений Чан Кайши и китайских красных армий. Надо указать, что этот вопрос интересует нас потому, что нам неясно, каким образом Чан Кайши мыслит себе вооруженную борьбу с Японией, если его главные вооруженные силы будут заняты с китайскими красными армиями”. В Москве, подчеркивал он, убеждены, что “без реализации единого военного фронта войска Чан Кайши с частями Красной армии Китая невозможна серьезная борьба против японской агрессии”⁴¹. Таким образом, советская сторона ясно давала понять, что предварительным условием оказания военной помощи Гоминьдану должна стать приостановка вооруженной борьбы против КПК.

Переговоры Богомолу с руководителями Китая продолжались в течение всего 1936 года. Им не помешало даже заключение без консультаций с Нанкином 12 марта 1936 г. советско-монгольского протокола о взаимопомощи. Китайский МИД ограничился дежурным протестом по этому поводу. 10 апреля 1936 г. Стомо-няков в письме Богомолу расценил “поведение Китпра и особенно китпрессы” в монгольском вопросе как “приличное”⁴². Вопросы об отношениях СССР с Маньчжоу-го, МНР и Синьцзяном в контексте переговоров о пакте китайскими представителями больше не поднимались. В Москве крепло убеждение, что “складывающаяся в Китае ситуация создает чрезвычайно благоприятную обстановку для советско-китайского сближения”⁴³, а его сопротивление японской агрессии “несомненно, растет”⁴⁴.

Полпред Богомолу был горячим сторонником сближения с Нанкином. Он настойчиво убеждал Центр в том, что установление между двумя странами “действительно дружественных отношений... не только приостановило бы японскую агрессию против Китая, но чрезвычайно затруднило бы всякую японскую акцию против СССР”. 22 января 1936 г. он писал в НКВД: “Если полгода тому назад... казалось, что от улучшения отношений может выиграть только Китай, а для СССР существовала угроза вовлечения в чужой конфликт, то теперь... создается такое положение, когда советско-китайская дружба может быть единственным фактором, который может содействовать укреплению мира на Дальнем Востоке”⁴⁵.

Москва, однако, занимала более осторожную позицию. Она под разными предлогами тянула время, чтобы “прояснить намерения” Чан Кайши и дожидаться от него новых уступок, в первую очередь по вопросу примирения с коммунистами. Богомолу получил на сей счет вполне определенные инструкции⁴⁶. Следуя им, он, в частности, уверял своих китайских собеседников, что ввиду технических причин у него якобы временно нет возможности пользоваться шифром, и он не может запросить мнение Центра. Китайцы, впрочем, отнеслись к этому доводу “хотя и соглашаясь”, но “весьма скептически”⁴⁷.

15 июля 1936 г. видный деятель Гоминьдана Чэнь Лифу предложил, чтобы советско-китайский пакт был составлен по образцу советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., но без ссылки на Лигу Наций, в которой Нанкин к тому времени полностью разочаровался. Кроме того, в нем устанавливался бы определенный срок (один-два месяца) после официального начала военных действий между Китаем и Японией, по истечении которого СССР должен был оказать помощь Нанкинскому правительству. Москва, однако, не ответила на это предложение. 2 сентября 1936 г. Богомоллов докладывал Стомонякову: “Хотя у нас и был целый ряд уважительных предлогов, благодаря которым мы затянули переговоры на целый год, но несмотря на эти предлоги, у китайцев, возможно, имеется представление, что... у нас нет большой заинтересованности в этом соглашении...”⁴⁸. Сам Богомоллов, считая заключение пакта о взаимопомощи в принципе “весьма желательным”, полагал, что внутреннее положение в Китае оставалось все же слишком неясным, чтобы СССР мог в обозримой перспективе пойти на такой шаг. Он предлагал и дальше затягивать переговоры, “не нарушая той достаточно дружественной атмосферы, которая существует в настоящее время”⁴⁹. Удачным ходом он считал свою возможную поездку в СССР на съезд Советов, посвященный принятию новой Конституции (полпред был членом ВЦИК). Перед отъездом Богомоллов предлагал ответить Чэнь Лифу, что СССР признает его заявление “известным сдвигом в благоприятную сторону... однако считает необходимым выяснить еще ряд вопросов”⁵⁰.

21 октября 1936 г. Стомоняков направил Сталину, Молотову, Кагановичу и Ворошилову записку, посвященную заключению пакта с Китаем. Не согласившись с мнением полпреда, он предложил обойти инициативу Чэнь Лифу молчанием, но при этом сообщить ему, что СССР согласен вести переговоры о продаже и отправке в Китай военных самолетов⁵¹. “Это было бы полезно, — пояснял Стомоняков, — потому что наши переговоры с Китаем продолжаются уже ровно год, и у китайских лидеров... постепенно сложилось представление, что у нас нет желания помочь Китаю, и что мы их “водим за нос”. При нынешнем нажиме Японии... следовало бы избежать такого положения, при котором Чан Кайши и прояпонские лидеры Китая использовали бы наше “нежелание помочь...” как аргумент в пользу уступок Японии”⁵². 25 октября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание Богомоллову выехать в Москву, предварительно заявив, что советская сторона готова обсудить вопрос о продаже военных самолетов через Синьцзян⁵³.

В декабре 1936 г. в Сиани разыгрались драматические события — Чан Кайши был арестован “молодым маршалом” Чжан Сюэляном и генералом Ян Хучэном, которые потребовали от него создать “единый фронт” Гоминьдана и КПК, а также более решительно противостоять японской агрессии. Для советско-китайских отношений “Сианьский инцидент” стал настоящим “моментом истины”. По прямому указанию Сталина Исполком Коминтерна потребовал от КПК обеспечить “мирное решение конфликта” и спасти жизнь руководителю Гоминьдана⁵⁴. Он был благополучно освобожден во многом благодаря вмешательству Москвы. В ходе Сианьского кризиса Чан Кайши получил убедительные доказательства того, что СССР действительно заинтересован в сохранении у власти Гоминьдана как главной силы, способной противостоять Японии, хотя, конечно, хотел бы при этом сохранить КПК как фактор китайской внутривнутриполитической жизни. В свою очередь, Чан Кайши выполнил обещание, данное им в Сиани эmissару ЦК КПК Чжоу Энъяо: в феврале 1937 г. третий Пленум ЦИК Гоминьдана принял постановление, создававшее предпосылки для примирения с коммунистами. Наконец, в марте 1937 г. в Нанкин из СССР вернулся единственный сын Чан Кайши Цзян Цзинго. В советско-китайских отношениях скла-

дывалась новая, более доверительная атмосфера, в которой вопрос о заключении двустороннего политического договора становился особенно актуален.

11 февраля 1937 г. вернувшийся в Москву Богомолов направил Литвинову обстоятельную записку, в которой излагал свое видение перспектив развития отношений с Китаем. Он не только настаивал на продолжении переговоров о пакте взаимопомощи, но и высказался в пользу его подписания, “если у нас будут определенные гарантии безоговорочной перемены Китпра своей позиции и определенной ориентации китайской внешней политики на СССР”. В этом случае, подчеркивал Богомолов, “заключение советско-китайского пакта взаимопомощи не только не ускорит возможную японо-советскую войну, но наоборот, отдалит момент ее возникновения”⁵⁵. В качестве примера он сослался на советско-монгольский протокол о взаимопомощи 1936 г., который заставил Токио отказаться от намеченной на 1936 г. крупной вооруженной провокации против МНР⁵⁶. Гарантии, которые Богомолов предлагал получить от Нанкина, заключались в первую очередь в легализации КПК и китайской Красной армии, а также в “ясном заявлении Чан Кайши”, что в основе его внешней политики отныне будет лежать дружба с СССР. Вместе с тем, полпред предложил и альтернативный вариант: заключить многосторонний пакт о взаимопомощи с участием СССР, Китая, США и Великобритании под эгидой Лиги Наций — по примеру европейского Восточного пакта, переговоры о котором велись в 1934—1935 гг. В пропагандистских целях можно было бы предложить участвовать в нем и Японии (так же, как к участию в Восточном пакте приглашалась нацистская Германия). На случай же, если соглашение между Гоминьданом и КПК к моменту возвращения полпреда в Китай “еще не созреет”, Богомолов предлагал заключить между двумя странами договор о дружбе и ненападении (этот вариант он считал “наиболее реальным для данного момента”)⁵⁷. И наконец, “независимо от хода переговоров о том или другом пакте”, Богомолов считал “крайне необходимым продолжить и довести до благоприятного конца” переговоры о военно-технической помощи Китаю, “назвав сроки и конкретные цифры, в каких наша помощь могла бы выразиться”⁵⁸.

5 марта 1937 г. Литвинов доложил об инициативах полпреда Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. “Нанкинцы хотят союзного договора, — пояснял он. — Тов. Богомолов рекомендует принять их предложение и заключить пакт о взаимной помощи. Он исходит при этом из предположения, что заключение такого пакта может отпугнуть Японию от дальнейших военно-агрессивных мер на Дальнем Востоке как в отношении Китая, так и СССР”⁵⁹. Нарком, однако, не разделял этой точки зрения. “Союзный договор, — предостерегал он, — ...представляет собою огромный риск, ибо если он не остановит агрессии японской военщины в Китае, то война между нами и Японией может быть значительно ускорена”. Вместе с тем, отмечал Литвинов, “мы не можем и дальше продолжать тактику затяжных и неопределенных ответов и... должны все же предложить, если не союз, то некоторое сотрудничество с Нанкином”. Нарком представил на суд Политбюро собственные предложения, “которые Богомолов мог бы сделать Нанкину и которые являются максимумом того, на что мы могли бы теперь пойти”⁶⁰.

8 марта 1937 г. Политбюро на основе записки Литвинова приняло развернутое постановление “О Китае”. Оно поручало Богомолову “возобновить предложение касательно пакта о ненападении”. Нанкинскому правительству была обещана поддержка СССР в случае выдвижения им инициативы о Тихоокеанском пакте. Предусматривался также ряд практических мер по налаживанию военного сотрудничества — продажа в кредит самолетов и танков,

подготовка кадров летчиков и танкистов⁶¹. Теперь Богомолов возвращался в Китай не с пустыми руками.

Литвинов, однако, опасался, как бы отказ СССР от подписания союзнического договора не привел к “новому прояпонскому повороту политики Чан Кай-ши”. 13 марта 1937 г. он направил Сталину еще одну записку, в которой убеждал его “оставить Нанкину некоторую надежду на возможность заключения пакта в дальнейшем”⁶². С этой целью нарком, как и Богомолов, считал целесообразным “направить все усилия на заключение Тихоокеанского регионального пакта с участием, по возможности, всех тихоокеанских держав, включая и Японию”. При этом у Литвинова не было иллюзий: “не только Япония будет возражать против такого пакта, но и Англия, и США вряд ли проявят склонность участвовать в нем”⁶³. Однако дипломатическая проработка данного проекта позволила бы Москве выиграть время, а также разоблачить политику попустительства японской агрессии, проводимую западными державами; “когда же... выяснится окончательно невозможность заключения регионального пакта, можно будет подумать о более ограниченном соглашении (т.е. пакте о ненападении. — А.С.)”⁶⁴.

Предложенная Наркоминделом тактическая комбинация была одобрена Политбюро. По возвращении в Нанкин Богомолов на встрече с министром иностранных дел Ван Чжунгуем 12 апреля 1937 г. посоветовал последнему взять на себя инициативу продвижения Тихоокеанского пакта. “В случае, если Китпра это сделает, — добавил полпред, — то мы: а) ответим утвердительно на подобное предложение, б) окажем со своей стороны всемерное содействие Китпра в этом деле”⁶⁵. Он также подчеркнул “необходимость и желательность немедленного начала переговоров о пакте неагрессии”⁶⁶.

В мае-июне 1937 г. китайская и советская дипломатия пытались добиться поддержки Тихоокеанского пакта в Лондоне и Вашингтоне. Однако президент США Ф. Рузвельт без обиняков заявил советскому полпреду А.А. Трояновскому, что “пакт без Японии не имеет смысла”⁶⁷. Схожую позицию заняли и англичане. Не желая продолжать бесплодную тяжбу с западными державами, китайская сторона настаивала на скорейшем подписании двустороннего договора. В Москве, впрочем, тоже прекрасно понимали, что без него не обойтись. 2 апреля 1937 г. Сталин одобрил новый, третий по счету проект пакта о ненападении, подготовленный Наркоминделом. Он был близок по формулировкам к не дошедшему до китайцев проекту от 23 марта 1935 г., но стал более компактным. Сталин внес в него единственную правку — вычеркнул первую статью, содержавшую ссылку на Пекинское соглашение об установлении дипломатических отношений от 31 мая 1924 г.⁶⁸ В таком виде проект договора 7 апреля 1937 г. был утвержден Политбюро⁶⁹ и вскоре передан китайской стороне.

Однако в Нанкине не спешили с его обсуждением, по-прежнему рассчитывая убедить СССР заключить договор о военном союзе. Такому поведению китайцев способствовали и некоторые неосторожные заявления самого Богомолова. На одной из встреч с Ван Чжунгуем он, в частности, не исключил, что “в случае если из Тихоокеанского пакта ничего не выйдет, мы готовы будем в будущем вновь обдумать вопрос о возможности заключения... пакта взаимопомощи”⁷⁰. И хотя полпред добавил, что такому договору в любом случае должен был предшествовать договор о ненападении, китайская сторона получила “зацепку” для того, чтобы затягивать с обсуждением последнего. В Москве высказывания полпреда вызвали явное недовольство. “Вы неправильно говорите китайцам о нашей готовности вести переговоры о двустороннем пакте о взаимной помощи, — говорилось в телеграмме, направленной ему Литвиновым 19 июня 1937 г. — Мы

на это согласия не давали, а говорилось лишь о возможности перехода к двусторонним переговорам в случае неудачи многосторонних”⁷¹.

Причина, по которой Советский Союз уклонялся от создания полномасштабного военно-политического союза с Китаем, была очевидна — он не желал помимо своей воли быть втянутым в войну с Японией. Вместе с тем, скорого возникновения этой войны в Москве не прогнозировали. Напротив, по оценкам наших дипломатов, политика Японии в отношении Китая в начале 1937 г. “несколько смягчилась”⁷², а курс нового кабинета, пришедшего к власти в Токио в феврале 1937 г., оценивался как “умеренный”. “Я склоняюсь к мысли, что этот “мягкий” период затянется на продолжительное время, — докладывал Богомолов в Центр 5 мая 1937 г.⁷³ 13 июня 1937 г. он же писал в НКВД: “Японцы в ближайшее время не рискнут ни на какую новую большую авантюру к югу от Великой Стены... К большой войне в Китае японцы не готовы”⁷⁴. Аналогичные оценки поступали в Москву и по каналам разведслужб.

Необъявленная, но полномасштабная и кровопролитная война Японии против Китая, начавшаяся 7 июля 1937 г., стала для Кремля неожиданностью. Здесь внимательно наблюдали, как поведет себя Чан Кайши. Лидер Гоминьдана решился на открытое сопротивление агрессору. Боевые действия приобрели невиданный размах. Китайские официальные лица все более настойчиво ставили перед советской стороной вопрос о немедленной закупке вооружений — поскольку, по оценке Чан Кайши, “своих запасов у Китая хватит только на шесть-семь месяцев”⁷⁵, западные державы в военной помощи ему отказали, и единственным возможным источником снабжения для него оставался СССР. 29 июля 1937 г. Политбюро, обсудив сложившуюся ситуацию, постановило “увеличить поставку Китаю оружия в кредит до 100 млн кит. долл.” и поставить ему 200 самолетов со снаряжением и 200 танков в течение года. В качестве предварительного условия оказания военной помощи было выдвинуто подписание пакта о ненападении⁷⁶. 31 июля 1937 г. Литвинов телеграфировал Богомолову о принятом решении⁷⁷. При этом нарком подчеркнул, что “для заключения пакта о взаимопомощи момент ныне менее подходящий, чем раньше, ибо такой пакт означал бы наше немедленное объявление войны Японии”⁷⁸. Впрочем, Чан Кайши и сам это понимал. Он был вынужден согласиться на подписание двустороннего договора, могущего стать правовой основой военного сотрудничества, в формате, на котором настаивала Москва.

В начале августа 1937 г. переговоры вышли на финишную прямую. Они велись в Нанкине Богомоловым под неусыпным контролем Политбюро ЦК ВКП(б). С 5 по 13 августа 1937 г. оно приняло три постановления по этому вопросу. И в Москве, и особенно в Нанкине спешили побыстрее “оформить отношения”, чтобы затем перейти к согласованию конкретных объемов военной помощи. 8 августа 1937 г. Богомолову был вручен китайский контрпроект договора, а уже на следующий день Стомоняков направил Сталину, Молотову, Кагановичу и Ворошилову записку с его обстоятельным анализом. Заместитель наркома обращал внимание прежде всего на то, что советское определение главного обязательства сторон — “воздерживаться от всякого нападения” было заменено в контрпроекте формулировкой “не совершать никаких актов агрессии”. “Она менее выгодна на нас, — пояснял Стомоняков, — ибо под нее в будущем, под влиянием раздвоенных нам сил, Нанкинское правительство могло бы подвести и некоторые наши действия в МНР или в Синьцзяне”⁷⁹. Предложенный Нанкином срок действия договора в три года Стомоняков предлагал увеличить до пяти лет, а вместо процедуры ратификации, на которой настаивали китайцы, предусмотреть вступление договора в силу с момента его подписания. Наконец, замнарком

ма предлагал “решительно отклонить” статью 3 контрпроекта, предполагавшую отказ сторон от поддержки “подрывных антиправительственных организаций и групп” (то есть китайских коммунистов. — А.С.) и даже “дать понять Китпра, что его предложение произвело на Совпра самое неблагоприятное впечатление”⁸⁰. 10 августа 1937 г. основные положения записки Стомонякова были утверждены в виде постановления Политбюро⁸¹, а уже 12 августа Ван Чжугуй согласился со всеми советскими требованиями и фактически отозвал свой контрпроект⁸².

В ходе переговоров был поднят и вопрос о характере отношений между Москвой и Токио в условиях японо-китайской войны. Китай желал получить от СССР обещание не заключать с Японией договора о ненападении вплоть до ее окончания. В свою очередь, советские переговорщики ссылались на статью 2 советского проекта, в которой содержалось обязательство сторон “воздерживаться от всяких действий, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде подвергшегося нападению”. Они полагали, что эта статья снимает китайские озабоченности, и предлагали ею удовлетвориться. Ван Чжунгуй, однако, настаивал на более ясной и обязывающей формулировке, прямо указывающей на Японию.

В этой связи Стомоняков в записке от 9 августа 1937 г. высказался за то, чтобы при подписании договора с Китаем представитель СССР сделал бы устное заявление о том, что Советский Союз не будет подписывать договора о ненападении с Японией. Взамен он предлагал потребовать “обязательства Китая, также в устной форме, не заключать ни с кем ...антикоммунистического соглашения, которое, как это уже показал опыт японо-германского соглашения, является лишь маскировкой и на самом деле направлено против СССР”⁸³. Речь шла об Антикоминтерновском пакте, подписанном Германией и Японией 25 ноября 1936 г. и носившем открыто антисоветский характер. Весной и летом 1937 г. представители этих держав вели консультации с китайскими официальными лицами (в том числе с Ван Цзинвэем) относительно возможности присоединения Китая к пакту, обещая ему помощь в борьбе против КПК. И хотя после “Сианьского инцидента” такой ход событий представлялся маловероятным, в Москве считали полезным “подстраховаться”, связав Нанкин соответствующим обязательством.

10 августа 1937 г. Политбюро одобрило предложение НКИД об устной декларации, а на следующий день Богомоллов довел его до сведения Ван Чжунгуя. Первая реакция китайского министра была негативной, что явно встревожило Москву. 13 августа 1937 г. Стомоняков докладывал Сталину и некоторым другим членам Политбюро: “Несмотря на спешность заключения пакта, нам следует добиться от китайцев обязательства, что они не будут заключать т.н. антикоммунистических договоров. Правда, устное обязательство Китпра не гарантирует нам полностью, что оно будет выполнено, все же известной гарантией — хотя бы на некоторое время — оно является (требовать письменного обязательства нецелесообразно, ибо китайцы потребовали бы от нас письменного обязательства не заключать пакта о ненападении с Японией)”⁸⁴. Как видим, советская сторона стремилась сохранить свободу внешнеполитического маневра в отношениях с Токио. Поэтому, по мнению Стомонякова, требование Нанкина “не заключать пакта о ненападении с Японией в безусловной форме, на все время действия договора, т.е. независимо от того, находится ли Китай в состоянии войны с Японией или нет”, следовало отклонить, “указав на то, что антикоммунистические договоры являются договорами открыто враждебными СССР, а пакт ненападения с Японией не заключает ничего враждебного Китаю”⁸⁵. “В крайнем случае, — резюмировал Стомоняков, — можно было бы дать тов. Богомоллову разрешение заявить Ван Чжун-

гую, что если по окончании состояния войны между Китаем и Японией стал бы вопрос о заключении пакта о ненападении между нами и Японией, то мы включили бы в текст этого пакта условие, согласно которому пакт может быть расторгнут в случае нападения Японии на третью сторону, т.е. на Китай”⁸⁶.

13 августа 1937 г. предложения Наркоминдела были одобрены на Политбюро. Путь к успешному завершению переговоров был открыт. В тот же день НКВД поручил Богомолу подготовить окончательную редакцию устного заявления и решительно настаивать на “безусловном формальном обещании Китая” не подписывать антикоммунистических договоров⁸⁷.

Советско-китайский договор о ненападении был подписан 21 августа 1937 г. в Нанкине полпредом Богомолу и министром иностранных дел Ван Чжунгуйем. Его содержание в основном соответствовало советскому проекту от 2 апреля 1937 г. Стороны обязались “воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими державами” (ст. 1). В случае же если одна из сторон подвергалась нападению одной или нескольких третьих держав, другая сторона обязывалась не оказывать им “ни прямо, ни косвенно никакой помощи... в продолжении всего конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим... к невыгоде стороны, подвергшейся нападению” (ст. 2). Срок действия пакта составил пять лет, и он не подлежал ратификации, а вступал в силу с момента подписания (ст. 4).

По просьбе Нанкина в договор была включена ст. 3, в которой говорилось, что обязательства сторон не противоречат ранее заключенным ими международным договорам. Ее смысл, по оценке руководства НКВД, заключался в том, чтобы “еще раз подтвердить оставление в полной силе той статьи Пекинского договора 1924 г., которая запрещает пропаганду”⁸⁸. (Упоминание об этом соглашении, как отмечалось выше, из советского проекта договора вычеркнул лично Сталин). Советская сторона явно не желала вновь подтверждать содержавшиеся в нем обязательства по признанию территориальной целостности Китая (включая Внешнюю Монголию), отказу от ведения коммунистической пропаганды, поддержки “враждебных группировок” и т.д.

При подписании договора Богомолу от имени правительства СССР сделал устную декларацию о толковании его статьи 2, “никогда не подлежащей оглашению ни официально, ни неофициально”. “Советский Союз, — заявил он, — не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены”. В свою очередь, Ван Чжунгуй от имени Нанкинского правительства заявил, что “Китайская Республика не заключит в течение действия договора о ненападении... какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР”⁸⁹.

Декларация была секретной и в Советском Союзе никогда не публиковалась. Правда, в XX томе “Документов внешней политики СССР”, вышедшем в свет в 1976 г., факт ее существования косвенно признавался, но конкретное содержание не разглашалось⁹⁰. Текст декларации был впервые опубликован в 1994 г. Б.Н. Славинским⁹¹, а в 2000 г. помещен в четвертом томе сборника документов “Русско-китайские отношения в XX веке”⁹².

В Кремле, однако, остались недовольны той редакцией, которую в рамках своих полномочий дал устной декларации полпред Богомолу. 5 сентября 1937 г. первый заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин, информировал об этом находившегося в Швейцарии Литвинова. “К сожалению, — писал он, — не-

смотря на повторные и совершенно четкие директивы, тов. Богомолов дал китайцам провести себя при установлении текстов двух устных деклараций”⁹³. “В одной декларации, — пояснял Потемкин, — мы, в развитие статьи 2-й пакта... приняли на себя обязательство не заключать “какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены”⁹⁴. Однако сам Потемкин накануне предлагал полпреду ограничить незаключение пакта временем, “пока продолжается фактическое состояние войны между Китайской Республикой и Японией”, мотивируя это тем, что “китайская формула содержит для нас фактически полный запрет заключения пакта ненападения с Японией, поскольку японо-китайские отношения долго еще не будут нормальными и еще дольше не будут формально урегулированы”. Богомолов все-таки счел возможным пойти на уступку Нанкину. “Куцей”, по определению Потемкина, вышла и вторая декларация, содержащая обязательство Китая не заключать с третьей державой антикоммунистического договора, “который практически направлен против СССР”. “Я своевременно разъяснил тов. Богомолову, — оправдывался первый заместитель наркома, — что китайцы при этой формулировке смогут в будущем заключить все-таки какой-нибудь антикоммунистический договор, утверждая, что он практически не направлен против СССР”, однако полпред его мнение вновь проигнорировал⁹⁵.

Вряд ли “недостатки” декларации были раскритикованы Потемкиным по собственной инициативе; скорее всего, это было сделано с ведома или даже по прямому указанию Сталина. Претензии к ней, на наш взгляд, были не более чем перестраховкой и желанием “дожать китайцев”, которое Богомолов не разделял. Впоследствии устная декларация не помешала Советскому Союзу подписать 13 апреля 1941 г. договор о нейтралитете с Японией, который противоречил если не ее букве (здесь была игра в слова: “нейтралитет” и “ненападение” якобы не одно и то же), то, по крайней мере, ее духу. Как видим, в Москве с самого начала считали декларацию не более чем неофициальным “джентльменским обещанием”, которое Советский Союз вправе взять обратно, если того потребуют его национально-государственные интересы (в 1941 г. они определялись стремлением избежать войны на два фронта).

Дальнейшая судьба Богомолова была трагичной: в сентябре 1937 г. он был вызван в Москву и арестован. Сталин подозревал, что за предложением заключить с Нанкином договор о взаимопомощи, за его неумением предвидеть начало летом 1937 г. японо-китайской войны, его оплошностями при подготовке устной декларации мог стоять сознательный “вражеский” расчет: столкнуть лбами СССР и Японию. В беседе с маршалом Ян Цзе 18 ноября 1937 г. Сталин охарактеризовал Богомолова как “троцкиста” и “плохого информатора”, зло добавив при этом: “А плохих информаторов мы арестовываем”. На полпреда вождь взвалил вину за все трудности и проблемы, возникавшие в советско-китайских отношениях в 1933—1937 гг. Вскоре его расстреляли⁹⁶.

Тем не менее, сам договор, в разработку которого Богомолов внес огромный вклад, явился, на наш взгляд, крупным внешнеполитическим успехом Советского Союза. Он знаменовал собой завершение трудного и болезненного процесса нормализации отношений СССР с гоминьдановским Китаем, а долгие и сложные переговоры о его подготовке отразили глубокую эволюцию двусторонних отношений в период 1932—1937 гг. от откровенной враждебности к тесному военно-политическому взаимодействию и сотрудничеству. В результате договор обрел принципиально иной внешнеполитический смысл, нежели тот, который изначально закладывался в него в 1932 г. Нанкином. В

нем не были отражены спорные вопросы двусторонних отношений, связанные с Маньчжурией, Внешней Монголией, Синьцзяном, а также взаимоотношениями между СССР, Коминтерном и КПК. Это, безусловно, отвечало интересам советской стороны. Договор не возлагал на нее прямого обязательства помогать Китаю в войне против Японии, что могло бы дать последней повод для агрессии против СССР. Вместе с тем, формула “ненападения” не мешала Советскому Союзу оказывать гоминьдановскому Китаю военную помощь, выступая в роли его “нейтрального союзника”, а также регулировать по своему усмотрению объемы и сроки предоставления этой помощи.

Заключение договора было продиктовано чрезвычайными обстоятельствами — прямой японской агрессией против Китая. Для Чан Кайши это решение было не из легких — оно означало, что Китай окончательно оставил надежду достичь мирного соглашения с Токио будет сопротивляться агрессору, сотрудничая при этом с коммунистическим соседом, несмотря на коммунистическую угрозу внутри страны. Нанкинский договор, безусловно, значительно укрепил международные позиции Китая, создав необходимую правовую базу для сотрудничества с СССР. 14 сентября 1937 г. в Москве была достигнута договоренность о поставках ему советской военной техники. Только в 1937—1939 гг. СССР поставил в Китай 904 самолета, 1600 артиллерийских орудий, 82 танка, 14 тыс. пулеметов, много другого оружия и снаряжения. Для осуществления этих закупок он предоставил правительству Чан Кайши несколько льготных кредитов на общую сумму 450 млн долл. Значение этой помощи невозможно переоценить: ведь в те годы Советский Союз был единственной державой, поставлявшей Китаю вооружения, а своей военной техники (за исключением винтовок) Китай в то время не производил.

Как справедливо отмечает Р.М. Мировицкая, Нанкинский договор стал “инструментом мира, ибо был направлен на помощь жертве агрессии и приближал сроки победы китайского народа”⁹⁷. В 1937—1945 гг. он во многом определил характер и формат взаимоотношений двух государств. Пакт помог им выжить в смертельной схватке с агрессорами и положил начало формированию антифашистской коалиции. Будучи с 21 августа 1937 г. союзниками де-факто, а с 1 января 1942 г. (после их присоединения к Декларации Объединенных Наций) и де-юре, СССР и Китай, однако, вплоть до самого конца Второй мировой войны продолжали строить отношения на базе пакта о ненападении (в 1942 г. он был продлен на новый пятилетний срок). Заменивший его двусторонний договор о дружбе и союзе был подписан только 14 августа 1945 г. — в день, когда Япония объявила о решении капитулировать и менее чем за 20 дней до окончания Второй мировой войны.

-
1. См. об этом: АВП РФ. Ф. 08, оп. 15, п. 140, д. 67, л. 76, 84.
 2. Советско-польский договор был подписан 25 июля 1932 г., советско-французский договор — 29 ноября 1932 г.).
 3. Впервые советская дипломатия предприняла конфиденциальные зондажи относительно возможности заключения пакта о ненападении с Японией в 1926–1928 гг., однако, столкнувшись с ее негативной реакцией, предпочла не выступать по данному вопросу с публичной инициативой.
 4. В ноябре 1927 г. глава советской делегации на Конференции по разоружению М.М. Литвинов по поручению Политбюро заявил, что СССР готов “поддерживать максимально дружественные отношения ... и заключить пакты о ненападении со всеми без исключения пограничными с СССР государствами”, однако этот сигнал был оставлен в

- Китае без внимания и никаких последствий не имел. См.: РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 5, л. 126.
5. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4, ч. 1. М., 2003. С. 165–166.
 6. Там же.
 7. АВП РФ. Ф. 09, оп. 15, п. 135, д. 8, л. 75.
 8. Там же.
 9. Там же, л. 132.
 10. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы/Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. В 2-х частях. Ч.1. М., 2003. С. 171.
 11. Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 215–216.
 12. АВП РФ. Ф. 13а, оп. 1, п. 4, д. 51, л. 201.
 13. Там же. Ф. 09, оп. 16, п. 156, д. 48, л. 6.
 14. Там же. Ф. 0100, оп. 17, п. 171, д. 1а.
 15. Там же. п. 71, д. 2, л. 30.
 16. Там же. п. 173, д. 18, л. 42.
 17. Там же. п. 171, д. 1а, л. 12.
 18. Там же. л. 90.
 19. Там же. л. 20.
 20. Там же. Ф. 13а, оп.1, п. 4, д. 51, л. 202.
 21. ДВП СССР. Т. 17. М., 1971. С. 804–805.
 22. АВП РФ. Ф. 0100, оп. 18, п. 186, д. 1103, л. 9.
 23. Там же. п. 179а, д. 4, л. 166.
 24. Там же, л. 162.
 25. Там же. оп. 18, п. 186, д. 1103, л. 12.
 26. Там же. Ф. 09, оп. 21, п. 78, д. 23, л. 7.
 27. Там же. оп. 30, п. 8, д. 109, л. 14.
 28. Там же. л. 16.
 29. Там же.
 30. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 155.
 31. Там же.
 32. АВП РФ. Ф.05, оп. 15, п. 113, д. 122, л. 134–135.
 33. Там же. л. 131. Запись беседы см.: АВП РФ. Ф. 0100, оп. 19, п. 182, д. 6, л. 4.
 34. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 158.
 35. ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С. 437.
 36. Там же. С. 662–663.
 37. Там же. С. 537–538.
 38. Там же. С. 663.
 39. Там же. С. 590.
 40. Там же. С. 601–602.
 41. Там же. С. 602.
 42. АВП РФ. Ф. 09, оп. 25, п. 97, д. 14, л. 122.
 43. Там же. д. 15, л. 9.
 44. Там же. п. 101, д. 44, л. 7.
 45. Там же. оп. 25, п. 97, д. 15, л. 7.
 46. См. об этом: АВП РФ. Ф. 05, оп. 16, п. 115, д. 4, л. 167.
 47. Там же.
 48. Там же.
 49. Там же. С. 168.
 50. Там же.
 51. Там же. С. 163–164.
 52. Там же, л. 164.
 53. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 20, л. 110.
 54. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. С. 742.

55. АВП РФ. Ф. 05, оп. 17, п. 126, д. 1, л. 94.
56. Там же. л. 95.
57. Там же. л. 96–97.
58. Там же. л. 98.
59. Там же. л. 103.
60. Там же.
61. См.: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. М., 2000. С. 40.
62. АВП РФ. Ф. 05, оп. 17, п. 126, д. 1, л. 113–114.
63. Там же.
64. Там же.
65. Там же. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 134.
66. Там же. л. 133.
67. Цит. по: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4. С. 8.
68. См.: АВП РФ. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 9.
69. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 13.
70. ДВП СССР. Т. 20. М., 1976. С. 167–168.
71. Цит. по: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е гг. XX в. С. 135.
72. ДВП СССР. Т. 20. С. 232, 302.
73. АВП СССР. Ф. 013а, оп. 1, п. 4, д. 51, л. 219.
74. Там же.
75. Цит. по: *Усов В.Н.* Указ. Соч. — С. 137.
76. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 115.
77. Там же.
78. Цит. по: *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е гг.). С. 194.
79. АВП РФ. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 29.
80. Там же. л. 30.
81. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 143.
82. АВП РФ. Ф. 09, оп. 30, п. 14, д. 181, л. 37.
83. Там же. л. 28–29.
84. Там же. л. 36.
85. Там же.
86. Там же.
87. ДВП СССР. Т. 20. С. 746.
88. Там же.
89. Русско-китайские отношения. Т. 4. Форзац.
90. См.: ДВП СССР. Т. 20. С. 469, 746–747.
91. См.: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995.
92. По свидетельству Р.А. Мировицкой, составители сборника “по чисто техническим причинам ... получили оригинал данного документа... только на заключительном этапе работы над томом, когда книга находилась в типографии. И составители приняли решение: опубликовать документ на форзаце книги 1-го тома”. См.: Восток — Россия — Запад: Исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика РАН В.С. Мясникова. С. 567.
93. АВП РФ. Ф. 05, оп. 17, п. 137, д. 128, л. 56.
94. Там же.
95. Там же.
96. Подробнее см. об этом: *Соколов В.В.* Забытый дипломат Д.В. Богомолов // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 195.
97. Восток — Россия — Запад: исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика РАН В.С. Мясникова. С. 573.